

ТРУДЫ ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА

СЕРИЯ II. СБОРНИКИ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**ВОЕННОЕ ДЕЛО НАРОДОВ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

ВЫПУСК 1

Новосибирск
2004

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ЕВРАЗИЙСКИХ КЛИНКОВ ЭПОХИ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Среди средневековых однолезвийных клинков, сабельных или принадлежащих палашам, распространенным в эпоху развитого средневековья на просторах Евразии от Дуная до Тихого Океана, довольно часто встречаются экземпляры, у которых на пятах, под перекрестием, наварена более или менее широкая плоская обойма с языком, спускающимся на лезвие. Функция этой детали, на наш взгляд, двойная. Первая — обеспечить плотное, без разбалтывания, пребывание клинка в ножнах и предохранение устья ножен от постоянного резания при вынимании и вкладывании в них клинка. Вторая — обеспечение безопасности пользования, так как при употреблении сабли или палаша в бою указательный палец бойца очень часто, охватывая отросток перекрестия, располагался под ним, на лезвии у пята клинка. Вторая функция имела место только в случае, если оружие обладало вертикальным перекрестием с отростками; если же его заменяла плоская пластинчатая горизонтальная гарда, обойма с языком несла только первую функцию — защиты ножен.

Происхождение рассматриваемой детали вполне прозрачно: обойма, правда без языка, была исключительно распространенной на однолезвийных клинках Восточной Азии еще в середине I тыс. н. э. Вариант обоймы с языком развился, вероятно, в Центральной Азии к IX в. (рис. 1, 1, 2) [1]. Первый раз в Восточной Европе клинки, снабженные обоймой с языком, появляются в эпоху расцвета салтовской культуры. Причем эти находки сконцентрированы в западном Прикубанье, особенно в одном пункте — могильнике Колосовка I около Майкопа в Адыгее (рис. 1, 3–7) [2]. Практическое отсутствие подобной детали на клинках с промежуточных территорий заставляет думать о прямых связях с Центральной Азией. Если же учесть, что комплекс палашей и сабель из Колосовки I отличается исключительной роскошью и происходит из погребения практически одного клана*, можно полагать, что этот клан имел отношение к высшей знати хазар — клану Ашина, который происходил из Центральной Азии, где властвовал над великими древнетюркскими империями-каганатами. Осколки этих империй — Хазария и Кабария** могли поддерживать связь с бывшей метрополией, в результате чего происходило знакомство мастеров запада Евразии с новациями центра Азии. Пос-

* Подробно о палашах из Колосовки I и связанных с ними проблемах см. нашу статью «Художественный металл Кабарии» (в печати).

** Кабария, согласно нашей гипотезе, — часть Хазарского каганата, отколовшаяся от него в результате гражданской войны первой трети IX в. и занимавшая его северо-западные территории — от Северского Донца до Среднего Поднепровья.

де X в., когда рухнула имперская власть и Кабарии, и Хазарии, когда печенеги, а потом и куманы(куны)-половцы сменили в южнорусских степях хазар, клинки с обоймами с языком исчезли из арсеналов Восточной Европы.

Но обоймами продолжали снабжаться клинки на востоке Евразии. Так, они весьма популярны в чжурчжэньской державе Цзинь в XII — начале XIII в. (рис. 2, 1, 2, 7) [3], в китайской империи Сун в XI — первой половине XIII в. (рис. 2, 3–6) [4].

В Центральной Азии обоймы с языком были частой деталью однолезвийных клинков. К сожалению, территория Монголии до сих пор остается практически сплошным белым пятном в плане археологии средневековья. Но если мы обратимся к достаточно подробно изученным средневековым памятникам Южной Сибири, то увидим, что здесь интересующая нас деталь применялась с IX по XIV в. без хронологического перерыва [5]. Но особенно она была популярна в монгольскую эпоху (рис. 3), которая началась для Южной Сибири в первом десятилетии XIII в.

В Восточной Европе клинки с обоймой с языком заново появляются через столетия после первой волны IX–X вв. В отечественной литературе памятники с такими клинками датируют обычно XII–XIII вв., иногда их хронологию растягивают и до XIV в.

Нам представляется, что и время бытования этой детали, и памятники, с нею связанные, укладываются в ограниченный временной отрезок и относятся к вполне конкретному историко-культурному континууму.

Рассмотрим клинки с обоймами с языком из Восточной Европы, имеющие вполне надежные датировки.

Одним из наиболее ранних образцов «новой, второй волны» является широкий палаш из дюнного погребения Джангала 19 (рис. 4, 9) на левобережье Нижней Волги [6]. Такие признаки, как форма стремян, типы наконечников стрел позволили Г. А. Федорову-Давыдову уверенно отнести погребение к монгольскому периоду [7]. В данном образце присутствует такой сугубо центрально- и восточноазиатский, а для Восточной Европы — именно монгольский признак, как перекрестье в виде толстой овальной горизонтально расположенной пластины. Все погребение можно твердо датировать временем начала монгольского господства в Восточной Европе — серединой XIII в.

К концу этого же периода, к 60–70-м гг. XIII в., можно отнести палаш из разрушенного во время строительных работ богатейшего, уровня не ниже тысячника, погребения монгольского военачальника из некрополя у г. Новопавловска на Ставрополье (рис. 4, 1) [8]. Здесь в гробовище-колоде, обитом полосами золотой жести, покоился монгольский нойон, чье положение и время жизни удостоверяли золотые бляхи пояса — пронизи с изображениями пасущихся среди растений копытных животных, а также серебряная пряжка второго пояса. Как показали обильные находки на Шайгинском городище — остатках города чжурчжэньской империи Цзинь в Приморье, погибшего в пер-

вые десятилетия XIII в. в результате монгольского нашествия, именно в культуре чжурчжэней коренятся истоки всех указанных признаков поясной гарнитуры, которая позднее стала характерна для монгольской традиции, разнесенной завоевателями по свету [9]. Дата новопавловских блях — не позднее середины XIII в. Не противоречит этому декор рукояти палаша, выполненный из резной кости в виде порхающих среди акаций фениксов (рис. 4, 1 А). Абсолютно идентичен ему декор находки из памятника из Китая Юаньской эпохи — чаши из резного красного лака [10]. Драгоценный, с массивными серебряными обоймами ножен палаш имел под литым серебряным перекрестием с асимметричными отростками серебряную же обойму с языком, внешние края которого были прихотливо фигурно вырезаны (рис. 4, В). Практически аналогична новопавловской обойма с языком, найденная на памятнике Княжья Гора на Киевщине (рис. 4, 2), ошибочно определенная А. Н. Кирпичниковым как оковка устья ножен древнерусской сабли XII — начала XIII в. [11]. На деле же, как мы видим, это — оковка монгольского клинка, попавшего на Княжью Гору в связи с событиями монгольского завоевания и раннего этапа господства.

То же можно сказать и о сабле, найденной на городище, вероятно, древнего Изяславля у с. Городище Хмельницкой области (рис. 4, 3) [12]. Присутствие ее среди находок в останках погибшего в середине XIII в. города Волховской земли позволяет надежно датировать саблю этим временем и связать ее непосредственно с монголами либо считать изделием местных мастеров, изготовленным по монгольскому образцу. Ведь и банковские бояре, с одной стороны, были прямыми союзниками монголов, и их главный враг — князь Галицко-Волынский Даниил Романович, с другой стороны, к 1352 г. свою дружину перевооружил по монгольскому образцу [13].

Достаточно уверенно можно датировать и саблю из кочевнического погребения в Тиноде, в Венгрии (рис. 4, 6). Дело в том, что в Венгрии раскопано несколько курганов, содержащих богатые погребения знатных кунов (куманов)-половцев, беглецов от монгольского завоевания и их детей [14]. Надежно датирующим материалом в таких погребениях служат, прежде всего, серебряные рыцарские пояса, хронология которых хорошо разработана [15]. Судя по ним, захоронения половецкой знати Венгрии с такими поясами датируются от 50–80-х гг. XIII в. до начала XIV в. При этом надо отметить, что в воинском снаряжении половецких рыцарей Венгрии преобладало степное восточное, самое современное, т. е. изготовленное в подражание образцам из западных регионов империи чингизидов либо просто привезенное оттуда.

Точно датированные сабли с обоймой с языком можно увидеть на миниатюрах монгольского времени, созданных в летней столице Хулагуидов — Тебризе. Первое изображение на миниатюре из рукописи «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина датировано 1306 г. [16], позднее они встречаются на миниатюрах рукописи «Шахнамэ» Фирдоуси, принадлежавших некогда коллекции Демотта (рис. 4, 7, 8). По

полным аналогиям реалий — костюмов и деталей вооружения с точно датированными армянскими миниатюрами — я полагаю, что миниатюры демоттовского «Шах-намэ» созданы в 30-е гг. XIV в.; к совершенно такому же выводу, но на основании анализа содержания цикла миниатюр в контексте исторических событий в улусе Хулагу пришли О. Грабар и Д. Тэлбот-Райс [17]. При этом надо отметить, что на иранских миниатюрах XIV в. обойма с языком на сабле изображена не языком на лезвии, как в реальности, а языком на обушке, как то продиктовано художественной традицией, восходящей еще к Центральной Азии IX–X вв. и так же противоречащей реалиям своего времени.

Высокий процент клинков с обоймами с языком содержат погребения Центрального и Западного Предкавказья (рис. 5). Очень надежно датируются сабли с перекрестьями, концы которых, часто асимметричные, расплющены и оттянуты вниз (рис. 5, 5, 7, 8). По многочисленным изображениям на миниатюрах хулагуидского Тебриза [18], а также по чисто археологическим обстоятельствам [19], перекрестья этого типа датируются XIV в. К образцам таких сабель относятся, в частности, находки в Убинском могильнике (рис. 5, 5) [20]. Своим происхождением подобные перекрестья обязаны, на наш взгляд, традиции, образцы которой были популярны на Ближнем и Среднем Востоке в XI–XII вв., а также в Андалусии и примыкающим к ней регионам Западной Европы [21].

На сегодняшний день наиболее позднюю дату имеет мощных форм сабля из погребения ингушского воина в каменном ящике у с. Верхний Алкун в горной Ингушетии, датируемая монетами золотоордынского хана Пулада (правил в 1407–1410 гг.) (рис. 5, 7) [22]. Таким образом, все надежно датируемые клинки с обоймой с языком «второй волны» из Восточной Европы относятся к периоду от середины XIII до начала XV в.

Вместе с тем, существуют две большие восточноевропейские группы клинков «второй волны» с интересующей нас деталью, которые их публикаторы обычно датируют XII — началом XIII в., опираясь на различные доводы.

Первая группа состоит из случайных находок, сделанных на территории Волжской Булгарии (рис. 6). Три из них (рис. 6, 1–3) найдены в окрестностях Билярского городища. А поскольку оно считалось окончательно погибшим во время и в результате монгольского нашествия, то авторы публикации, ничтоже сумняшеся, датировали находки предмонгольским временем (XI — началом XIII в.) [23]. Но в последние годы на территориях, непосредственно примыкающих к городищу Биляр, в результате планомерных раскопок были вскрыты слои золотоордынского периода [24]. Так что отныне ничто не мешает датировать случайно найденные здесь клинки с обоймой с языком золотоордынским периодом.

К вышеописанным клинкам примыкает группа сабельных клинков с обоймой с языком, выделяющаяся наличием гравированных украшений в виде надписей, псевдонадписей, эпиграфического, геометрического и растительного орнаментов (рис. 4, 5; 6, 5–7). Происходят находки с территории Волжской

Булгарии (2 экз.), из приполярного Урала (1 экз.), а одна — из комплекса богатого погребения кочевника на Черниговщине.

Наиболее яркий и информативный экземпляр — сабля из приполярного Урала (рис. 6, 7) [25]. На ее клинке выгравирована армянская надпись «варпет Хачатур» — «мастер Хачатур» [26], элементы растительного и геометрического орнаментов; подпись мастера и полоса геометрического узора фланкированы изображениями равноконечных крестов с треугольничками на концах и черточками между отростками креста. А.Н. Кирпичников, совершенно верно отметив роль Волжской Булгарии в факте попадания сабли в приполярный Урал, напрасно столь уверенно связал ее производство с закавказской Арменией конца XII — первой половины XIII в. [27]. Действительно, в меновой торговле Булгарии с северянами в обмен на северные меха традиционно шло, наряду со старинным серебром, клинковое оружие. Но его производители, причем именно армяне, могли жить и в самой Волжской Булгарии. Так, на городище Великого Булгара зафиксированы многочисленные следы армянской колонии, чей «...расцвет... и территориальный рост... совпадают с экономическим подъемом города Булгара в золотоордынский период XIII—XIV вв.» [28]. Надгробные памятники армянских жителей Булгара датируются 1321—1335 гг. [29]. Таким образом, армянский декор в сочетании с обоймой с языком хорошо отражает именно золотоордынскую культурную ситуацию Булгарии. Даже если болгарские армяне и не ковали клинки, а только торговали ими, то и тогда родина клинков армянской работы могла входить в пределы Золотой Орды: многочисленное армянское население золотоордынского Крыма включало в себя и искусных кузнецов. Но и в случае, если местом изготовления сабли была собственно Армения, ничто не мешает датировать саблю мастера Хачатура монгольским временем, поскольку Армения входила в состав монгольской державы Хулагуидов. А именно на хулагуидских иранских миниатюрах первой половины XIV в., как мы видели выше, изображены сабли с обоймами с языком. Что же касается отношения армян к монгольской культуре, то, судя по портретам, внешний быт высшей армянской знати был предельно монголизирован, и не только одежда, аксессуары, но и такой «интимный» этнический показатель, как прическа [30].

Но с территории Волжской Булгарии, с Именьковского городища, происходят еще два сабельных клинка с обоймами с языком и эпиграфическим орнаментом вдоль обушка (рис. 6, 5, 6), входившие некогда в собрание Заусайлова и хранящиеся ныне в Национальном музее Финляндии в Хельсинки. Похоже, они вышли из одной мастерской — у них идентична специфическая форма интересующей нас детали. Расчистивший и опубликовавший их А.Н. Кирпичников совершенно справедливо связал находки с саблей мастера Хачатура [31]: у сабли № 1 (рис. 6, 6) армянская надпись (пока не прочтенная либо вовсе нечитаемая, т. е. псевдонадпись, псевдоэпиграфический орнамент) также фланкируется крестами, причем той же формы, что и на клинке варпета Хачатура. Вместе с тем, если

на клинке № 1 — псевдонадпись, то изготовитель его был, в отличие от Хачатура, либо неграмотным, либо вообще не армянином. При этом он был прекрасно знаком с изделиями мастерской Хачатура, потому что воспроизвел образец весьма тщательно и подробно. Что же касается именьковского клинка № 2 (рис. 6, 5), то здесь эпиграфический узор, сохранившийся гораздо хуже, воспроизводит текст, скорее, арабским шрифтом. И, похоже, столь же нечитабельный. Так что мастер именьковских клинков — а это, скорее всего, одно лицо — изготовил их явно на продажу в далекие края, где не читали ни по-арабски, ни по-армянски (но где надпись и декор в виде крестов и прочего на клинке служили знаком качества), вероятнее всего, специально для обмена на полярные драгоценности — меха, моржовые клыки и мамонтовые бивни. Всё это говорит о том, что золотоордынская Булгария была серьезным и весьма специализированным центром выделки клинков монгольского типа, не только использовавшихся в самой Булгарии, но и специально предназначенных на экспорт.

Клинкам с территории Булгарии очень близок клинок сабли из кочевнического погребения под Нежином (рис. 4, 5). Отличается он только богатством декора. Край языка его обоймы прихотливо вырезан, вдоль обушка нанесен двухъярусный декор: ближе к обушку — полоса волнистого побега, причем края узора гравированы и таушированы серебряной проволокой, фон заполнен позолотой и разделан точками [32]; ближе к лезвию, верхним краем к нему, расположена надпись (или псевдонадпись) арабским шрифтом. Лучшее всех просматривается элемент шрифта. Похоже, что именно он и повторяется, изображая арабскую надпись. Этот элемент является популярнейшим в мусульманском искусстве и встречается начиная по крайней мере с конца I тыс. и вплоть до наших дней, от Испании и Северной Африки до Индии и Средней Азии, на памятниках всех видов искусств. Именно этот элемент эпиграфического орнамента как некий «знак искусства стран ислама» заимствовался в прикладное искусство Европы, от христианской Испании до Руси. Так что происхождение клинка этот элемент декора никак конкретизировать не может. Почти то же можно сказать и о растительном орнаменте клинка, распространенном еще шире. Контекст клинка — предметы, найденные с ним и проанализированные А. Н. Кирпичниковым и В. Л. Коваленко, говорит о достаточно широкой дате XII–XIV вв. [33]. Авторы публикации сузили ее до второй половины XII — первой половины XIII в. [34]. На наш взгляд, данный комплекс следует датировать серединой XIII в., временем после монгольского нашествия и начального этапа развития улуса Чжучи — Золотой Орды, т. е. 50–70-ми гг. XIII в. В этот период в среде местных (в широком смысле восточноевропейских) кочевников шел процесс активного заимствования деталей и элементов вооружения и костюма своих центральноазиатских победителей. Примеры такого монгольского влияния и постепенного превращения в середине XIII в. половцев или иных насельников степей и лесостепей

Восточной Европы в «ордынцев», «татар» хорошо прослеживается и на уровне дружинной знати (не обязательно богатой) [35], и на уровне высшей местной знати, вплоть до ханов, подчинившихся монголам и вошедших в их военно-политическую систему на раннем этапе образования улуса Чжучи. Примером тому служат богатейшие погребения последних половецких ханов в урочище Таганча в Поросье и на реке Чин-гул в Запорожье [36].

Свидетельства означенного процесса можно обнаружить и в западном Предкавказье. Этот процесс, на наш взгляд, отражают находки в курганном, явно разноэтничном могильнике в Цемесской долине у Новороссийска, где найдено значительное число сабельных клинков, снабженных обоймами с языком (рис. 5, 1–4). Материал из погребений с такими клинками авторы публикации Е. А. Армарчук и А. А. Малышев датируют XII–XIV вв. [37]. Вместе с тем среди находок в погребениях с саблями, клинки которых имеют обойму с языком, нет предметов, которых нельзя было бы датировать серединой XIII в. Таким образом, перед нами — прямые предшественники памятников адыгско-черкесской культуры второй половина XIII–XIV в., которая представлена в том числе и саблями с обоймами с языком и перекрестиями с оттянутыми вниз расплюснутыми, часто асимметричными концами (рис. 5, 5).

Памятники из Цемесской долины отражают ситуацию, сложившуюся в ранний период становления улуса Чжучи. Здесь разные этносы — половцы, адыги и, вероятно, асы-ясы и аланы, многие из которых сменили ареалы своего кочевания, а также и пришельцы из Центральной и Средней Азии (в составе войск монгольских ханов) — проживали дисперсно, служили чингизидам и вообще монгольской знати и, сохраняя свои традиции, активно заимствовали элементы материальной культуры, особенно в вооружении, принесенные победоносными центральноазиатскими пришельцами.

Очень ярко этот процесс в западном Предкавказье отражен в экспозиции Краснодарского краеведческого музея, где выставлен комплекс богатого воинского погребения у станицы Дмитриевской. Здесь мы видим такие монгольские элементы, как подвижное кольцо на навершии шлема [38], створчатые наручи [39], наконец, умбон щита в виде диска с наложенными накрест двумя полосами железа, сквозь расплюснутые концы которых проходили заклепки, к которым изнутри щита крепились ремни рукояти [40]. Подобные умбоны стали крайне популярны в западном Предкавказье в монгольское время, о чем свидетельствуют представленные в той же экспозиции образцы из Убинского могильника XIV в., а также из раскопок в Новороссийске — в экспозиции Новороссийского краеведческого музея. При этом кольчуга из погребения у станицы Дмитриевской раскопана на фаларами, точно как на половецких каменных изваяниях, причем эти фалары являются яркими этническими признаками половцев-кыпчаков, никем, кроме них, не употреблявшимися.

Рассмотренные памятники из западного Предкавказья позволяют раскрыть тайну загадочного погребения в кургане 69 у села Яблоновка в районе г. Белая Церковь в Поросье [41]. Опубликовавшие этот комплекс Р. С. Орлов, А. П. Моця, П. М. Покас отметили здесь северокавказские черты погребальной обрядности и, определив хронологические рамки могильника XI–XIII вв., решили, что на его примере «можно говорить об определенных связях поросских славян с алано-яскими группами, входившими в состав населения половецкой степи» [42]. Теперь же, зная ситуацию на Северном Кавказе, точнее, в западном Предкавказье мы можем уверенно говорить, что в яблоновском кургане 69, где найден умбон щита с наложенной крестовиной и оковками края щита, абсолютно идентичными Убинским, Дмитриевской, Новороссийским и из Красной Поляны под Сочи [43], где найдена и сабля с перекрестьем, чьи асимметричные концы расплющены и слегка оттянуты вниз, в этом кургане в середине — второй половине XIII в. был похоронен выходец из западного Предкавказья, вероятнее всего — адыг-черкес, попавший в Поросье на исходе середины — во второй половине XIII в. в ходе пертурбаций, сопровождавших раннюю историю улуса Чжучи. Не исключено, что таких выходцев было много, и именно их компактная масса послужила основанием тому, что их этническое название — черкесы — дало повод жителям Северо-Восточной Руси уже с конца XIV в. обозначать нетюрко-монгольское население Нижнего и южной части Среднего Поднепровья «черкасами».

Заканчивая рассмотрение клинков с обоймами с языком, мы можем заключить, что клинки «второй волны» — эпохи развитого средневековья, снабженные такой деталью, для Восточной Европы являются датирующим элементом (нижняя дата — со второй половины 30-х гг. XIII в., верхняя — начало XV в.) и индикатором монгольского периода, т. е. принадлежностью круга традиций империи чингизидов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горелик М. В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство и материальная культура. М., 1995. С. 392. Рис. А 9, 25, 33.
2. Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II (серия археологическая). Майкоп, 1961. Рис. XVII, 6; XVIII, 2; XX, 1, 3; Он же. Могильник Колосовка I (раскопки экспедиции АНИИ 1962 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. Рис. III, 1, 2.
3. Деревянко Е. И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск, 1987. Рис. XVIII, 7; Шавкунов В. Э. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. Владивосток, 1993. Рис. 25, 26.
4. Оружие сунской эпохи, раскопанное в провинции Чжэцзян // Каогу. 1988. № 4. С. 335. Рис. 2 (на кит. яз.).

5. Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980. Рис. IV, 1, 6; V, 7, 2; VI, 1, 2; VII, 1, 3; VIII, 1, 3; табл. 3; Он же. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. Рис. 11, 82.
6. Синицын И. В. Археологические исследования в Западном Казахстане // Тр. Ин-та истории, археологии, этнографии Академии наук Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1956.
7. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 24, 253.
8. Охонько Н. А. Могильник монгольского времени у г. Новопавловска Ставропольского края // Воины средневековых степных империй. Рис. 6, 1.
9. Шавкунов Э. В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990. Рис. 35, 1–4, 6–11; 36, 1, 3, 5; 39; 40; 41; 43, 1–5, 7, 14, 18, 30, 31; 46, 5, 12, 13.
10. Brandt R. J., Desroches J.-P. Lagues Chinois du Linden — Museum de Stuttgart. Paris, 1986.
11. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск первый: Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л., 1966. Рис. XXXV, 5. (САИ. Е1–36.)
12. Кирпичников А. Н., Коваленко В. П. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане) // Археологические вести. № 2. СПб., 1993. Рис. 3, 7.
13. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1973. С. 167.
14. Horvath A. P. Pechenegs, Gumans, Jasiens: steppe peoples in medieval Hungary. Budapest, 1989.
15. Ib. P. 1, 19, 20, 34, 35; Hejj-Detari A. Altungarischer Schmuck. Budapest, 1965. Taf. 8, 9.
16. Геворкян А. Армянская миниатюра. Портрет. Ереван, 1982. Илл. 28, 30.
17. Grabar O., Blair S. Epic Images and contemporary History. The illustrations of the Great Mongol Shahnama. Chicago; London, 1980.
18. Nicolle D. C. Arms and armour of the Crusading Era 1050–1350. N.Y., 1988. Vol. 2. III. 385 Н, J, L, M, Q. Кстати, на миниатюрах этими мечами всегда вооружены именно арабы, персонажи мусульманской «священной истории», тщательно выделенные костюмом.
19. Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 23.
20. Стрельченко А. А. Вооружение адыгских племен X–XV вв. // Наш край. Вып. 1. Краснодар, 1960. С. 150.
21. Nicolle D. C. Arms and armour... Vol. 2. III. 404 C-F, 405 A, 406 A, 410, 450 A, 456 B, 458 D, E, 459 D, 463 A, B, E, H, J, K, 543 J, N, 601, 656 G, H, J, 687 A, M, Q.
22. Чахкиев Д. Ю., Нарожный Е. И. Погребение знатного горского воина начала XV века из селения Верхний Алкун (Чечено-Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 129–140.
23. Хузин Ф. Ш. Предметы вооружения // Культура Биляра. Болгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М., 1985. С. 176–177; Измайлов И. Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XIII в. Казань; Магадан, 1997. С. 22–25.
24. Валиуллини С. И., Беговатов Е. А. Исследования Билярского городища и памятников в его округе // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы Волго-

- Камья: Сб. тез. докл. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А. П. Смирнова. М., 1999. С. 107–108.
25. Джанполадян Р. М., Кирпичников А. Н. Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в приполярном Урале // Эпиграфика Востока. XXI. Л., 1972. С. 23–29; Кирпичников А. Н., Коваленко В. П. Указ. соч. С. 122–134.
  26. Джанполадян Р. М., Кирпичников А. Н. Указ. соч. С. 26.
  27. Там же. С. 27–28.
  28. Айдаров С. С., Аксенова Н. Д. Великие Булгары. Казань, 1983. С. 43.
  29. Там же. С. 45.
  30. Геворкян А. Указ. соч. Рис. 9, 12, 13; илл. 30, 35, 38, 39.
  31. Кирпичников А. Н., Коваленко В. П. Указ. соч. С. 128.
  32. Там же. С. 125.
  33. Там же. С. 123–124.
  34. Там же. С. 125.
  35. Горелик М. В., Дорофеев В. В. Погребение золотоордынского воина у с. Таборовка // Проблемы военной истории народов Востока (Бюллетень Комиссии по военной истории народов Востока). Вып. II. Л., 1990. С. 119–132.
  36. Gorelik M. Two barrows of the last Kuman khans // Ancient warrior. Vol. 2. Stockport.
  37. Армарчук Е. А., Малышев А. А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. 3. М.; Армавир, 1997. С. 95–96.
  38. Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 194.
  39. Там же. С. 196; Чахкиев Д. Ю., Нарожный Е. И. Указ. соч. С. 130, 134, 136.
  40. Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eight to the fifteenth centuries as shown works of art // Islamic Arms and Armour. London, 1979. Fig. 112; Воронов Ю. Р. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. Рис. 61.
  41. Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли южной Руси в IV–XIV вв. Киев, 1985. С. 49–51, 55.
  42. Там же. С. 55.
  43. Воронов Ю. Н. Указ. соч. Рис. 61.

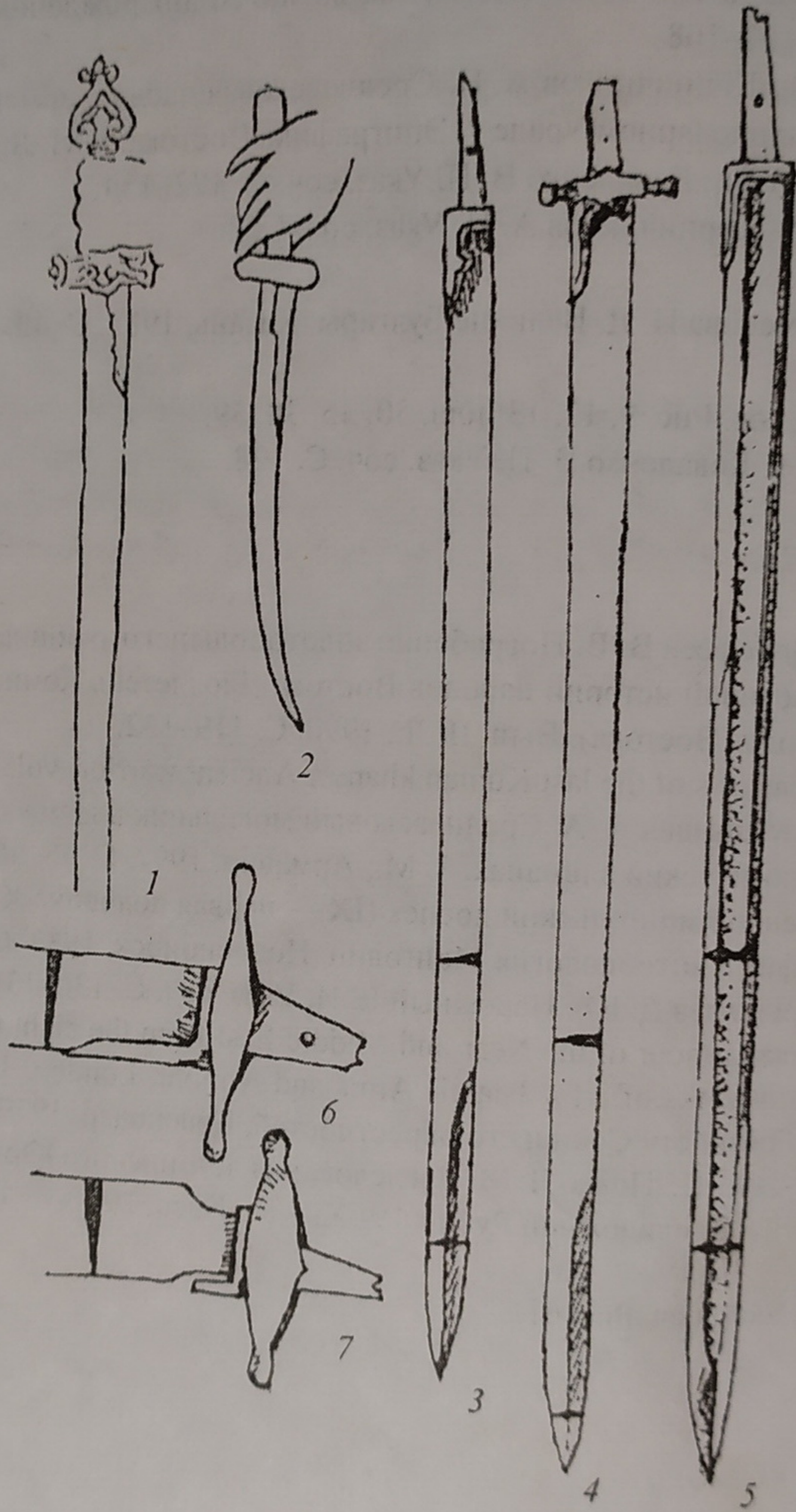

Рис. 1. Клинки IX-X вв.:
 1, 2 — Восточный Туркестан; 3-7 — Западное Предкавказье;
 1 — стенопись храма № 9, Безеклик; 2 — живопись на шелке, из Безеклика; 3-5 —
 могильник Колосовка I, курган 2; 6, 7 — могильник Колосовка I (обоймы бронзовые)
 (без масштаба)

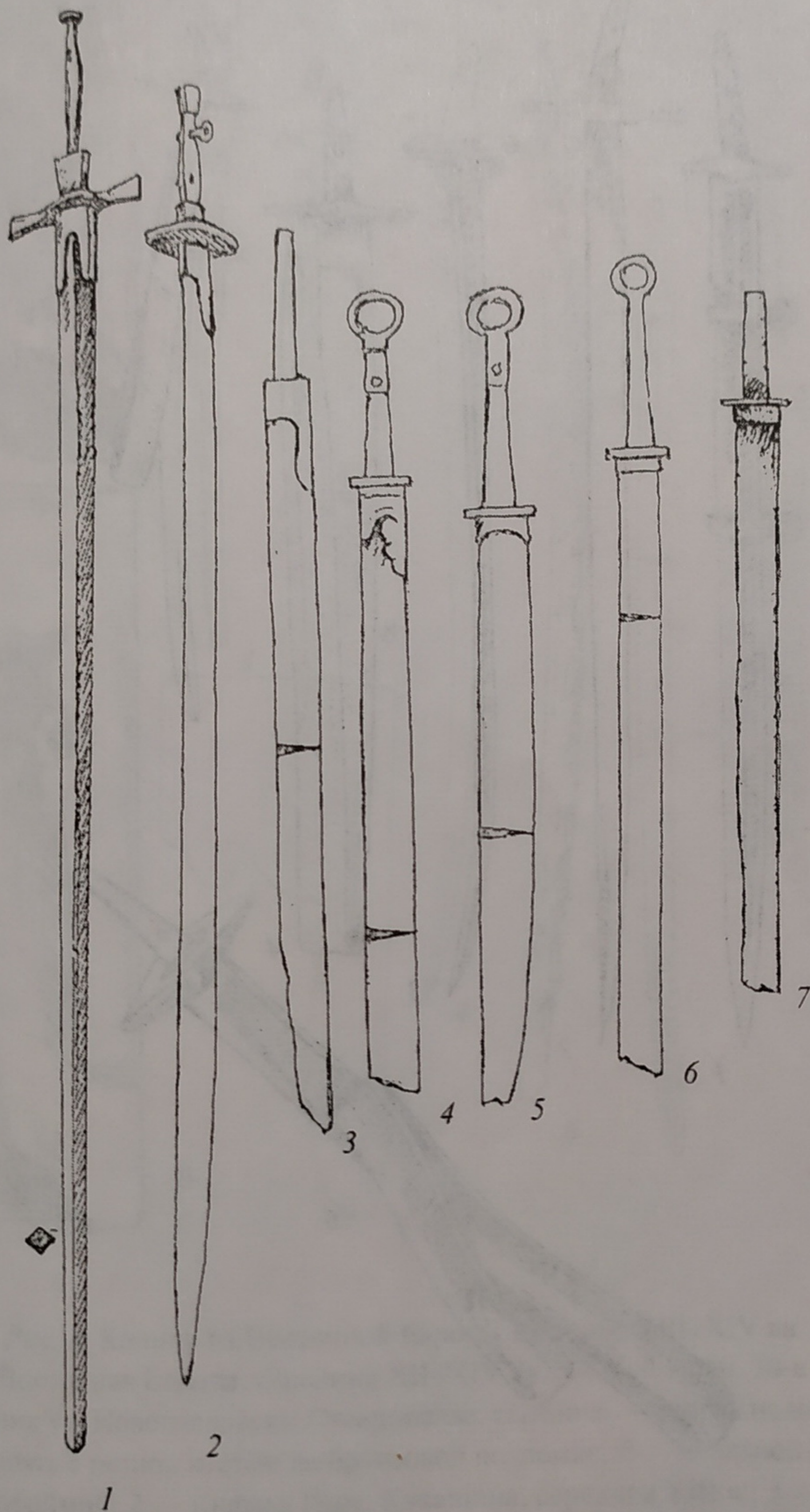

Рис. 2. Восточная Азия, XII–XIII вв.:

1, 2, 7 — чжурчжэни; 3–6 — Сунский Китай;

1, 2 — Шайгинское городище, Приморье (1 — палкообразная палица); 3–6 — провинция Чжэцзян, КНР; 7 — Корсаковский могильник, Приамурье (без масштаба)

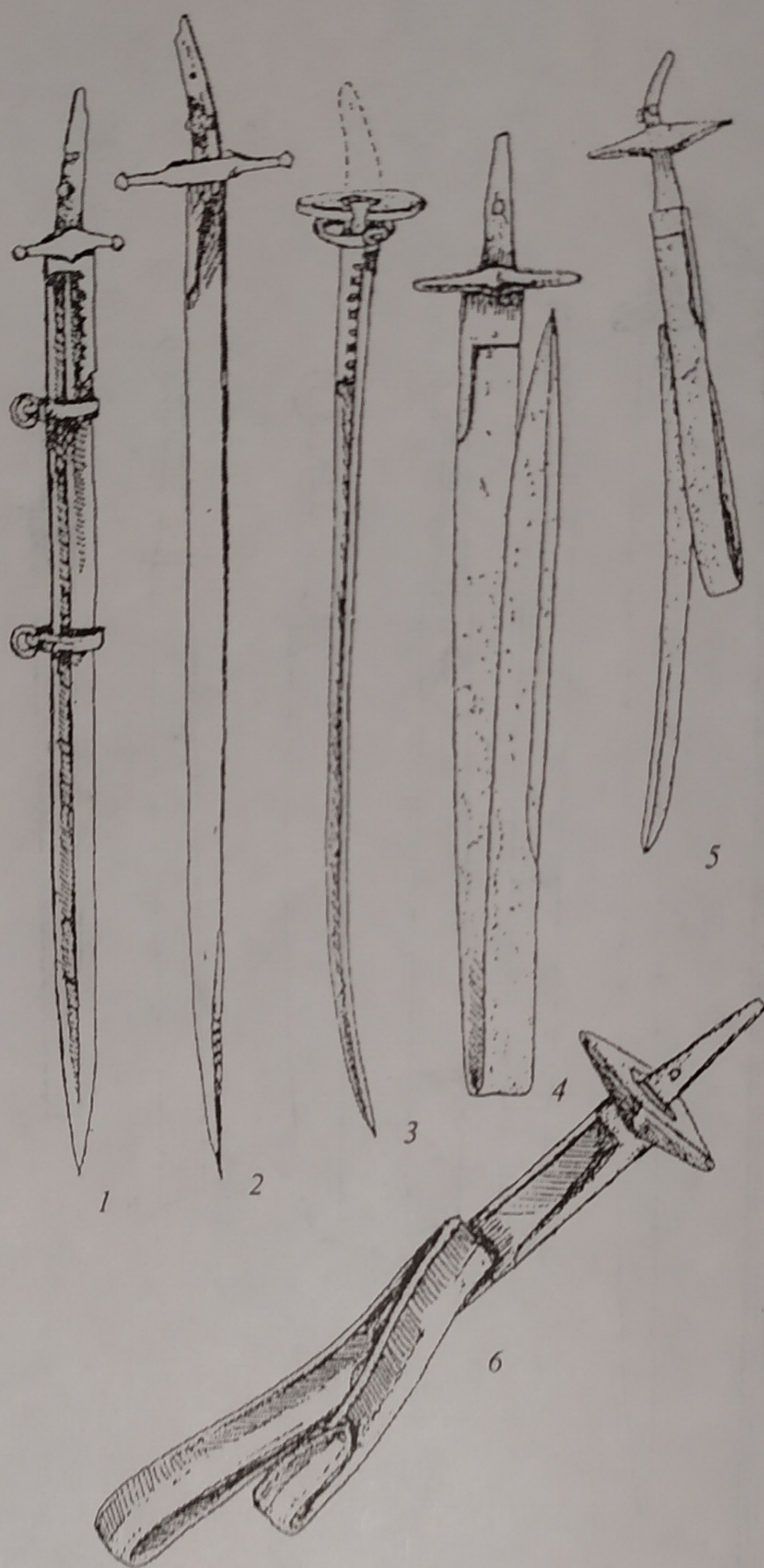

Рис. 3. Южная Сибирь, XIII–XIV вв.:
 1 — могильник Демир-суг, Тува; 2, 3 — Минусинская котловина, случайные находки; 4 — могильник Самохвал, Минусинская котловина; 5 — могильник Соян-се, Минусинская котловина; 6 — могильник Чернова. Минусинская котловина, начало XIII в. (без масштаба)

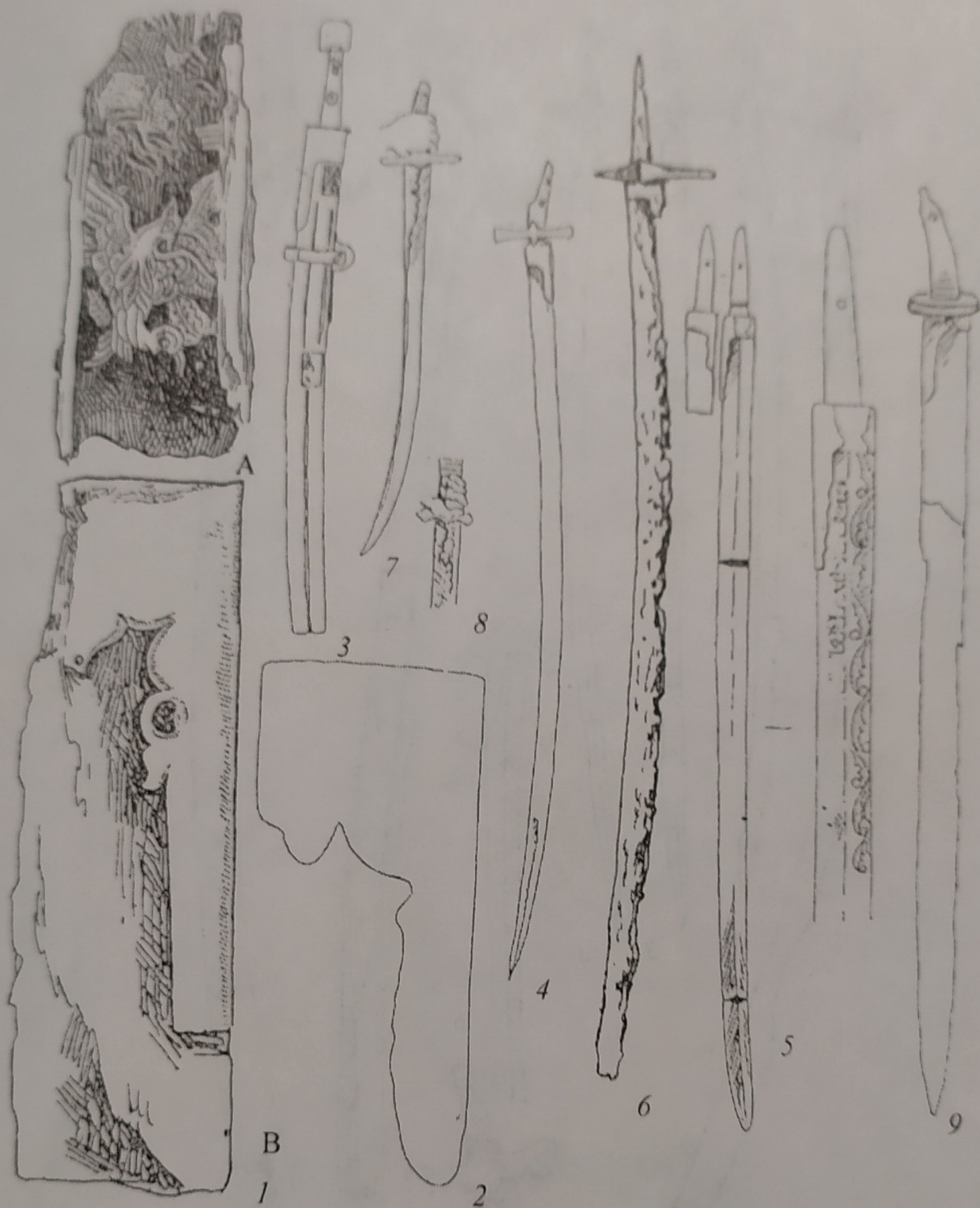

Рис. 4. Клинки из Восточной Европы и Ирана, XIII–XIV вв.:

1–6, 9 — Восточная Европа, середина XII–XIV вв.; 7, 8 — Иран, 30-е гг. XIV в.;
 1 — могильник у г. Новопавловска, Ставрополье, середина — вторая половина XIII в.;
 А — рукоять с резной костью на бронзовой подложке; В — стальной клинок с серебряной обоймой; 2 — Княжья Гора, Киевщина, середина XIII в.; 3 — городище у с. Городище, Хмельницкая обл., середина XIII в.; 4 — Таганча, Поросье, вторая половина XIII–XIV в.; 5 — Нежин, Черниговщина, середина — вторая половина XIII в.; 6 — Тинод, Венгрия, вторая половина XIII — начало XIV в., обойма медная; 7, 8 — миниатюры рукописи «Шах-намэ» из бывшего собрания Демогта. Тебриз, 30-е гг. XIII в.; 9 — Джангала 19, Нижнее Поволжье, середина XIII в. (без масштаба)

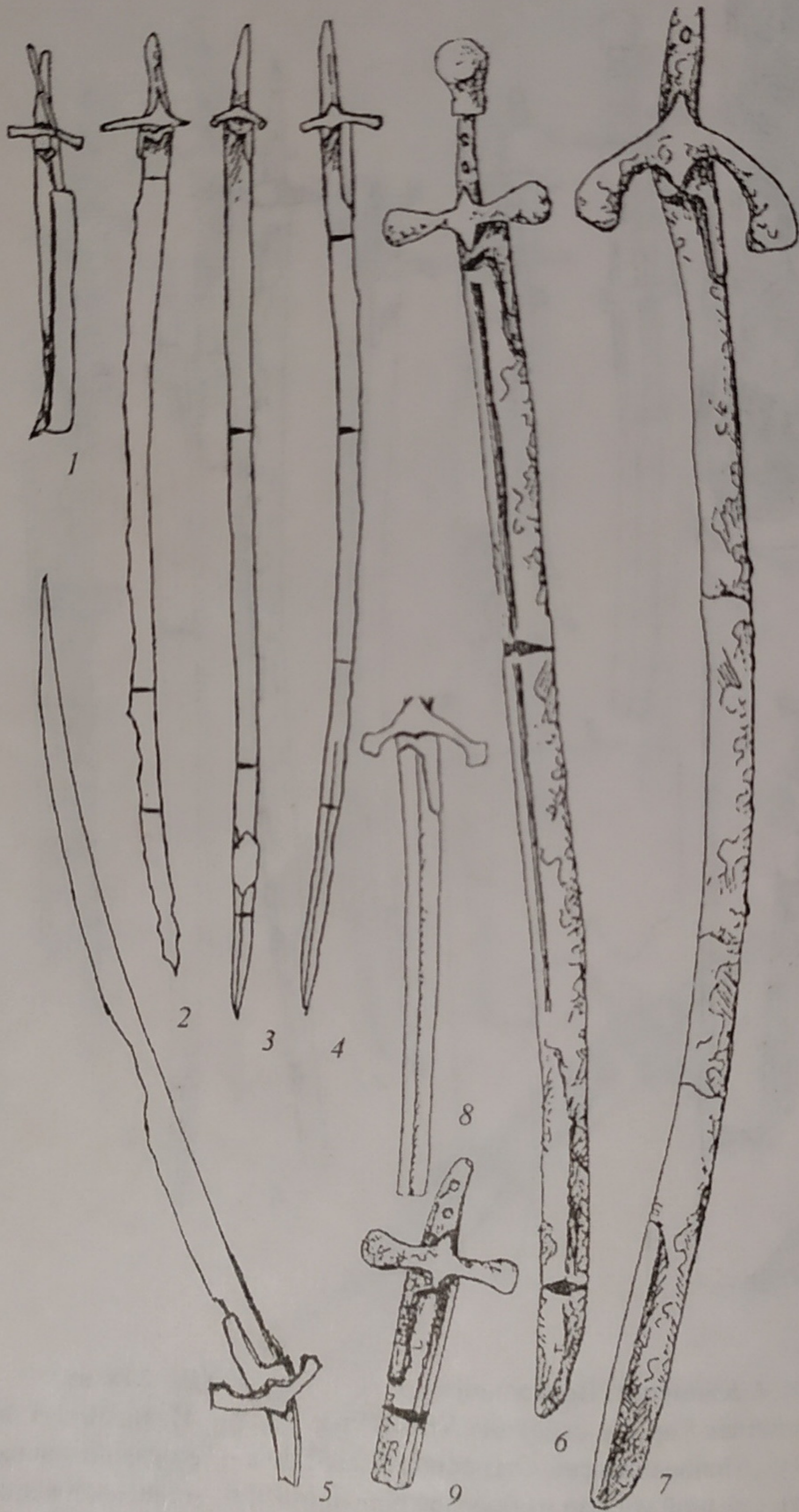

Рис. 5. Западное (1-5) и Центральное (6-9) Предкавказье,
середина XIII — начало XV в.:

1-4 — Цемесская долина, около Новороссийска, вторая половина XIII-XIV в.;
5 — Убинский могильник, Краснодарский край, XIV в.; 6, 8 — могильник у
с. Верхнее Лейми, Ингушетия, XIV в.; 7, 9 — каменный ящик у с. Верхний Алкун,
Ингушетия, с монетами хана Золотой Орды Пулада (1407-1410 гг.) (без масштаба)

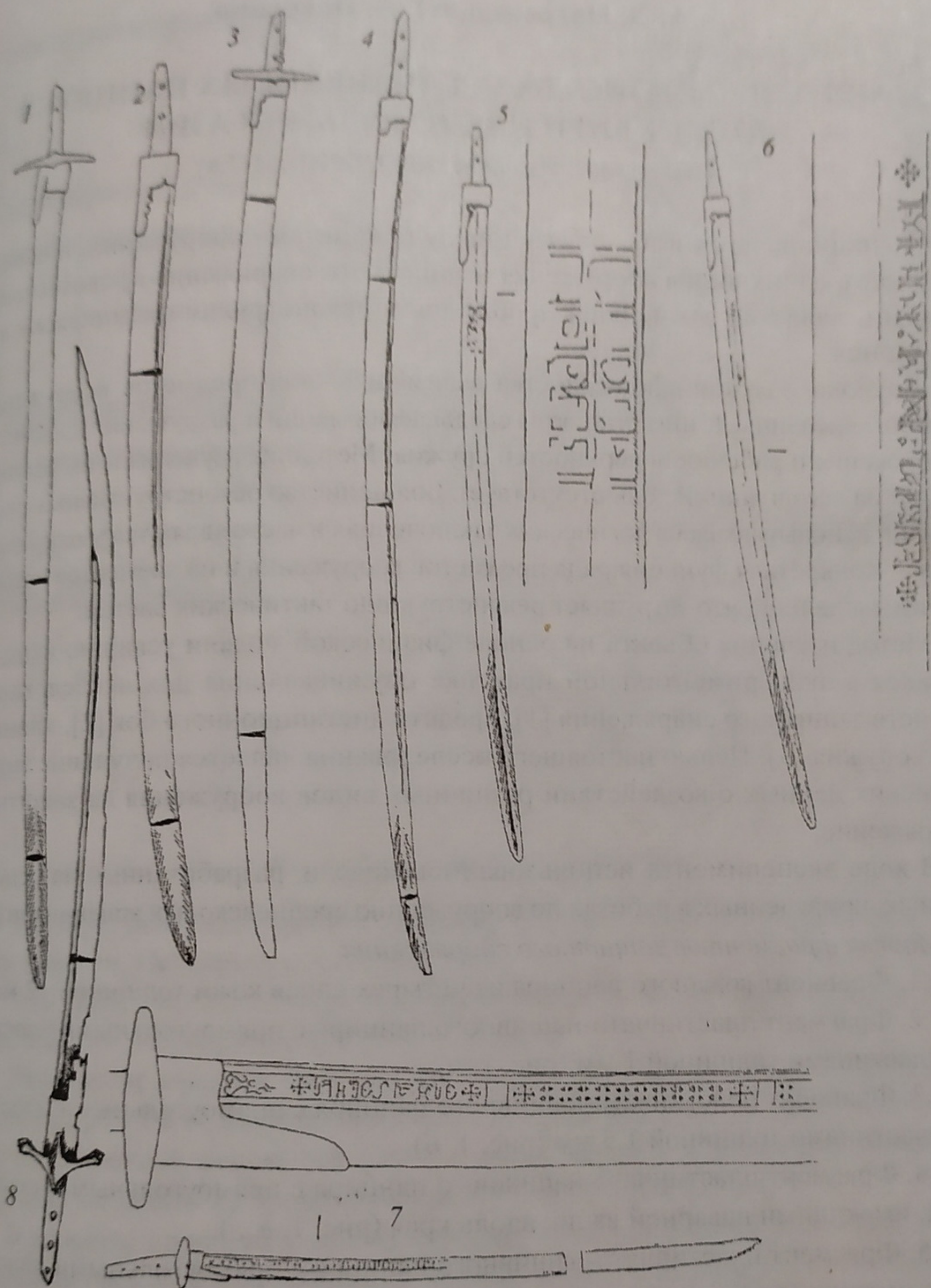

Рис. 6. Волжская Булгария, середина XIII–XIV в. :

1–3 — район Билярского городища, случайные находки; 4 — городище Булгара, случайная находка; 5, 6 — сабли № 2 (5) и № 1 (6) с Именьковского городища, случайная находка, Национальный музей Финляндии, Хельсинки; 7 — сабля с подписью мастера Хачатура из приполярного Урала, случайная находка; 8 — сабля из Государственного объединенного музея Татарстана, Казань (без масштаба)